

Всё устроено вовсе не так, как он себе воображал, и в его преклонном возрасте постичь это до конца было непросто. Спустя мгновение Артур поднял голову: на экране ничего не изменилось. Он ввёл ещё несколько проверочных уравнений, но результат остался прежним. Перед ним был один-единственный эллипс, а не два. Прекрасно, подумал он про себя. Значит, Вселенная устроена не совсем так, как тебе казалось. Что ж, лучше пересмотри свои взгляды, ведь подстроить саму Вселенную под себя ты не сможешь.

— Йемот, Фано, Бини! Заходите все! — громко позвал он.

Плотный Фано протиснулся в дверь первым, следом за ним проскользнул долговязый Йемот, а за ними — и остальные сотрудники астрономического факультета: Бини, Тирландо, Клейт, Симброун и другие. Все они столпились в дверях кабинета. По их лицам Артур понял, как жутко, наверное, выглядит сам: дикий, безумный, с торчащими дыбом волосами и мертвенно-бледным лицом человека на смертном одре. Было важно немедленно развеять их страхи; сейчас было совсем не время для разыгрывания драматических сцен.

Спокойным голосом он произнёс:

— Да, я устал, я и сам знаю. Наверное, я похож на демона, выбравшегося прямо из преисподней, но я нашёл нечто, что кажется рабочим решением.

— Концепция гравитационных линз? — спросил Бини.

— Это тупиковая концепция, — холодно ответил Артур. — Впрочем, как и все остальные нелепые идеи, с которыми мы носились последнюю неделю: горящие солнца, складки пространства, полосы отрицательной материи и прочее. Все они звучат разумно, но не выдерживают никакой проверки. Однако одна идея всё-таки выдерживает.

Он обвёл их взглядом широко раскрытых глаз. Повернувшись к экрану, он снова ввёл данные для восьмой гипотезы. На этот раз он начисто забыл об усталости: пальцы не сделали ни единой ошибки, ломота в теле исчезла, словно он перенёсся в мир, где не существует утомления.

— В этой гипотезе, — заговорил он, — фигурирует тёмная планета размером с Калгаш, у которой есть собственная орбита. Она вращается не вокруг Онуса, а вокруг Калгаша. Она обладает огромным объёмом — по сути, сравнима с самим Калгашем, — а потому способна оказывать гравитационное воздействие на планету, где мы живём, вызывая те самые возмущения на нашей орбите, на которые справедливо указал Бини.

Артур вывел на экран визуальные данные, и перед ними возник схематический образ звездной системы: шесть солнц, Калгаш и предполагаемый спутник Калгаша.

Он повернулся к остальным. Их взгляды были неестественными. Хоть они и были вдвое моложе его, а то и того младше, принять саму мысль о существовании в небе ещё одной огромной

планеты — как интеллектуально, так и эмоционально — для них оказалось невероятно тяжело. Поверить в это они могли разве что списав всё на старческое безумие Артура или на какую-то ошибку в расчётах.

— Данные, подтверждающие восьмую гипотезу, верны, — произнёс Артур. — Уверяю вас, я проверил их всеми мыслимыми способами.

Он окинул их презрительным, гневным взглядом, всматриваясь в каждого по очереди. Словно напоминая им, что он — Артур 77, первооткрыватель теории всемирного тяготения, и списывать его со счетов ещё рано.

Тихо промолвил Бини:

— Причина, по которой мы не видим этот спутник, учитель...

— Во-первых, — спокойно перебил Артур, — как и сам Калгаш, эта планета светится лишь отражённым светом. Если большая её часть состоит из светло-голубого камня — без каких-то невероятных геологических аномалий, — её отражённый свет полностью затеряется в ослепительном сиянии шести солнц, помноженном на рассеивающие свойства атмосферы нашей планеты. Пока в небе всегда сияет несколько солнц, разглядеть этот спутник мы не сможем.

— И такое возможно даже в том случае, если орбита спутника необычайно велика? — подхватил Фано.

— Именно так.

Артур ввёл в систему второе изображение.

— Это вид вблизи. Как вы видите, неизвестный и невидимый спутник движется по гигантскому эллипсу. Он так далеко от нас, что свет от него идёт сюда целыми годами. И дело не в том, что он слишком далек, чтобы мы ощущали его орбитальное влияние, — нет, он просто слишком далёк, чтобы мы могли разглядеть его невооружённым глазом. Даже с помощью телескопа вероятность обнаружить его ничтожно мала. Поскольку обычными методами наблюдения его не зафиксировать, выудить его из небесной выси можно лишь с помощью самых изощрённых средств.

— Разумеется, мы можем заняться поиском прямо сейчас, — произнесла Тирландо, чей специализацией была астрофотография.

— Разумеется, мы обязаны это сделать, — ответил ей Артур.

Казалось, они начали понимать, к чему он клонит. Каждый из них уловил суть, и им было явно

не до шуток.

— Хотя вы убедитесь, что эти поиски окажутся куда сложнее, чем можно вообразить — всё равно что искать иголку в стоге сена, — я требую, чтобы все немедленно приступили к работе.

— У меня вопрос, учитель, — подал голос Бини.

— Слушаю.

— Если эта орбита столь причудлива, как вы предполагаете, то данный спутник — давайте пока называть его Второй Калгаш — в определённые периоды оказывается очень далеко от нас. Следовательно, можно предположить, что в другие периоды он подходит к нам ближе. Даже самая идеальная орбита подвержена определенным отклонениям. У спутника, движущегося по столь вытянутому эллипсу, разница между перицентром и апоцентром вполне может оказаться огромной.

— Верно, это рассуждение вполне логично, — согласился Артур.

— Но, учитель, — продолжил Бини, — допустим, Второй Калгаш на протяжении всей современной эпохи развития астрономии держался от нас вдали, так что доказать его существование мы не можем, а способны лишь косвенно судить о его влиянии на орбиту Калгаша. Можете ли вы поручиться, что он скоро вернется из дальних странствий? И что он вскоре приблизится к нам?

— Совсем не обязательно, — взмахнул руками Йемот. — Мы понятия не имеем, где он находится сейчас и сколько времени у него уходит на полный оборот вокруг Калгаша — возможно, целые десять тысяч лет. Быть может, он приближался к Калгашу в какие-то доисторические времена, о которых никто ничего не знает, а теперь удаляется от нас, уходя в космические дали.

— И то верно, — признал Бини. — Мы действительно не можем сказать наверняка, приближается он к нам или удаляется. Словом, этого не узнать.

— Но мы можем попытаться выяснить, — возразил Фано. — Идея Тирландо верна. Даже если все расчеты подтвердятся, нам необходимо узнать, существует ли Второй Калгаш на самом деле. Только доказав это, мы сможем приступить к вычислению его орбиты.

— Мы вычислим его орбиту по тем возмущениям, которые он производит на Калгаше, — вставил Клейт, выдающийся математик их кафедры.

— Да, — подключилась Симброун, специалист по космогонии. — Мы также сможем понять, идет он на сближение с нами или уходит прочь. Боже мой! А что, если он действительно движется к нам? Это же просто ужасно! Несветящая планета появится на небе и отрежет нас

от солнца! Солнечный свет может перекрыться на целые часы!

— Как же это странно, — задумчиво произнул Бини. — Полагаю, это то, что называют затмением. Вы все знаете: визуальный эффект точно такой же, как когда один предмет заслоняет другой. Но неужели такое возможно? Ведь все эти солнца такие огромные — как же Второй Калгаш сможет затмить хотя бы одно из них?

— Если он окажется достаточно близко к нам — вполне возможно, — ответил Фано. — О, я могу представить себе картину, при которой в этом...

— Да, обдумайте всевозможные сценарии в рамках этой картины — почему бы и нет? — неожиданно вмешался Артур. Он грубо оборвал Фано, заставив всех перевести на него взгляды. — Действуйте все именно так. Не сработает этот метод — пустите в ход другой, посмотрите, к чему это приведет.

В ту же секунду Артур почувствовал, что больше не в силах держаться на ногах и обязан покинуть кабинет. Как только последние дела были улажены, вся жизненная сила разом покинула его тело. Оно стало тяжелым и ватным, словно ему стукнуло тысячу лет; леденящий холод из плеч опустился к пальцам рук, а мышцы на спине судорожно задергались. Он знал, что довел свой организм до абсолютного предела, и теперь настало время молодым взвалить этот груз на свои плечи.

Он поднялся со стула перед монитором, пошатнулся и сделал шаг к центру комнаты. Постояв немного, пока к нему не вернулось равновесие, он собрал последние силы, принял величественный вид и, хромая, медленно прошел мимо всех сотрудников кафедры.

— Я отправляюсь домой, — бросил он. — Похоже, мне предстоит отлично выспаться.

— Сифна, я правильно понял? Эту деревню сжигали дотла девять раз подряд, и после каждого пожара они отстраивали её заново? — спросил Бини.

— Мой коллега Балик считает, что поселений, наслоившихся на холме Томбо, было всего семь, — ответила археолог. — И вполне возможно, что он прав. Чем глубже к основанию, тем запутаннее картина. Но семь их было или девять — конкретное число не меняет нашего общего понимания. Взгляните на эти схемы, они составлены по материалам раскопок. Разумеется, это лишь предварительные изыскания, общее знакомство с холмом, а по-настоящему скрупулёзная работа еще впереди. Поскольку открытие произошло поздно, сделать что-то большее мы просто не успевали. Но эти чертежи дадут вам общее представление... Надеюсь, это вам интересно? Уверена, эти материалы вас заинтересуют.

— Я нахожу это чрезвычайно интересным. Ты думаешь, меня волнует лишь астрономия, а ко всем остальным дисциплинам я отношусь с презрением? К тому же астрономия и археология временами неразрывно связаны. Изучая высеченные в камне записи об астрономических явлениях, найденные в самых разных уголках мира, мы узнали очень многое о движении солнца по небу. Ну-ка, покажи мне.

Сейчас они находились в кабинете Сифны. Сифна позвала Бини, чтобы обсудить проблему, возникшую в ходе исследований и заставшую их врасплох. Задача и вправду поставила Бини в тупик: хоть он и заявлял, что астрономия с археологией связаны неразрывно, с ходу сообразить, чем именно астроном может помочь археологу, он не мог. Тем не менее любому предложению заглянуть к Сифне он всегда был рад.

Впервые они встретились пять лет назад, когда оба заседали в междисциплинарном комитете по расширению университетской библиотеки. И хотя с тех пор Сифна большую часть времени проводила в заграничных экспедициях, стоило им оказаться в одном месте, как они непременно виделись и обедали вместе. Он находил её чертовски привлекательной, безумно умной, обладающей крутым норовом, но при этом удивительно свежей в общении. Сама же она считала его парнем без стержня — эрудированным, пожалуй, и интересным юношей. Он не конкурировал с ней профессионально и не питал к ней какого-то особого плотского интереса.

Сифна развернула чертёж — это был лист тонкой, похожей на пергамент чертёжной бумаги, густо исчерченный сложными и изящными карандашными линиями. Она и Бини склонились над ним, вглядываясь в каждую деталь.

Бини вовсе не лгал, говоря, что интересуется археологией. В детстве он обожал читать записки великих древних путешественников, таких как Марлбин, Шербик и, конечно же, Гордол 221. Стоило ему задуматься о далёком прошлом, как он ощущал себя так, будто уносится в глубины звездного неба, и душа его наполнялась восторгом. Его партнер по контракту Реста порой выражала недовольство их с Сифной дружбой; она несколько раз намекала, будто Бини очарован самой Сифной, а отнюдь не областью её исследований, однако сам Бини находил ревность Ресты совершенно нелепой. Безусловно, Сифна была невероятно притягательной женщиной — отрицать это было бы неправдой, — но с мужчинами она держалась сурово и начисто была лишена какой-либо романтичности. Это знали все мужчины на факультете. Сам Бини тоже слыл парнем видным, но при этом никогда и помыслить не мог о том, чтобы завести с ней более близкие отношения.

— Сперва взгляни сюда, это поперечный разрез холма, — пояснила Сифна. — Я зафиксировала графически каждый отдельный пласт. Разумеется, самый верхний слой — ближе всего к нам. Он сложен из гигантских каменных глыб, и мы называем его мегалитическим слоем; он представляет культуру Бекримота в период её расцвета. Вот эта черная линия внутри мегалитического слоя — прослойка древесного угля. Столь обильное количество золы говорит о том, что когда-то здесь бушевал грандиозный пожар, уничтоживший целый город. А теперь посмотри сюда: прямо под мегалитическим и зольным слоями лежит следующий, более близкий к нам жилой пласт.

— У него другая архитектурная стилистика.

— Совершенно верно. Видишь, как прорисованы каменные стены? Это так называемый перекрёстный стиль, он представляет ранний этап культуры Бекримота, или же её зачаточную фазу. Обе эти стилистики встречаются в памятниках бекримотского периода близ горы Томбо: главными артефактами там служат мегалиты, сквозь которые то тут, то там проступают элементы перекрёстной кладки. Этот пласт мы именуем слоем первобытной культуры Бекримота. А теперь взгляни вот сюда, под мелитический и перекрёстный слои...

— Снова слой древесного угля? — переспросил Бини.

— Да, снова уголь. Этот холм похож на огромный сэндвич: пласт человеческого жилья, слой золы, снова пласт жилья, снова зола. Похоже, дело обстояло именно так. В эпоху перекрёстного стиля сильнейший пожар уничтожил большую часть полуострова Сагикан, и люди были вынуждены покинуть Томбо и остальные окрестные селения, строившиеся в том же стиле. Позже они вернулись на прежнее место и принялись отстраиваться заново, применив совершенно новый, куда более изысканный архитектурный подход. Поскольку в ход шли громадные камни, мы называем его мегалитическим стилем. Однако со временем разыгрался ещё один пожар, стёрший мегалитические постройки с лица земли. После этого бедствия люди оставили идею отстраивать гору Томбо и выбрали для восстановления другое место неподалёку — то самое, что мы называем главным поселением Бекримота. Долгое время мы считали его первенцем цивилизации, выросшим на фундаменте разбросанных поблизости мелких первобытных поселений в перекрёстном стиле. Но раскопки в Томбо говорят о том, что ещё до возникновения классического Бекримота существовал по меньшей мере один крупный мегалитический город.

— В главном поселении Бекримота нет никаких следов пожара? — уточнил Бини.

— Никаких. Как только верхний город на Томбо сгорел, прослойки древесного угля исчезли. В конце концов вся цивилизация Бекримота угасла, и главное поселение опустело, но причиной тому стал климат, а вовсе не огонь. Случилось это около тысячи лет назад. А вот пожар, уничтоживший верхний город на холме Томбо, судя по всему, произошел гораздо раньше — пожалуй, лет на тысячу раньше. Сейчас в лаборатории мы проводим радиоуглеродный анализ образцов угля, и тогда получим куда более точные данные.

— И насколько же древним оказывается пласт перекрёстного стиля?

— Ортодоксальная академическая наука всегда считала, что разбросанные по полуострову Сагикан разрозненные строения в перекрёстном стиле опережают главное поселение Бекримота всего на несколько поколений. Но после открытия холма Томбо моя точка зрения изменилась. Я считаю, что перекрёстный слой на этом холме старше верхнего мелитического слоя более чем на две тысячи лет.

— На две тысячи? Хочешь сказать, так обстоят дела и со всеми остальными слоями ниже?

— Взгляни на этот чертеж, — продолжала Сифна. — Это третий слой. Его архитектурный стиль нам совершенно незнаком, он ни капли не похож на перекрёстный. За ним — очередная линия пожара; следом четвёртый жилой пласт и снова гарь; затем пятый пласт и гарь; а глубже идут шестой, седьмой, восьмой и девятый — если только прав Балик, и слоев всё же шесть или семь.

— И каждый из них был уничтожен пожаром! Звучит как-то чересчур фантастично. Смертоносный цикл разрушения, раз за разом уничтожающий одно и то же место.

Сифна заговорила странным, неуловимым тоном:

— Самое поразительное здесь то, что каждая из этих жилых прослоек существовала примерно одинаковый промежуток времени, прежде чем сгореть дотла. Толщина слоев удивительно схожа. Знаешь, мы как раз ждем результатов экспертизы, но я полагаю, мои визуальные замеры не слишком разойдутся с правдой, да и выводы Балика в целом совпадают с моими. Если только мы все не заблуждаемся, формирование холма Томбо заняло в доисторические времена не менее четырнадцати тысяч лет. И на протяжении всего этого процесса его раз за разом пожирала плановые пожары, интервалы между которыми поразительно регулярны — примерно по две тысячи лет!

— Что? — Бини невольно вздрогнул. В голове начали роиться самые невероятные и в то же время тревожные догадки.

— Подожди, здесь есть кое-что ещё, — произнесла Сифна. Она выдвинула ящик стола и вытащила стопку глянцевых фотографий. — Это снимки глиняных табличек из Томбо. Сами оригиналы находятся у Мудрина 505 — ты же знаешь, он специалист по древним письменам, — он как раз пытается их расшифровать. Это обломки обожженной глины. Три штуки были найдены в третьем слое, еще три — в пятом, и все они исписаны крайне примитивными письменами. Письменность на трех более древних фрагментах настолько архаична, что Мудрин даже не знает, с какого конца к ней подступиться. Зато часть знаков с трех табличек из третьего слоя ему удалось предварительно разобрать: они представляют собой раннюю буквенную форму бекримотской письменности. На данный момент он может сказать лишь то, что в них описывается гибель города в огне — как кара, ниспосланная разгневанным божеством. Бог увидел, что люди погрязли в грехах, и счёл необходимым устраивать регулярные кары.

— Регулярные?

— Да. Звучит знакомо, не правда ли?

— Культисты Культа Пламени! Точно! Именно об этом они и твердят. Сифна, как такое может быть?

— С тех пор как Мудрин озвучил мне предварительный перевод, я задаю себе тот же самый вопрос.

Археолог резко повернулась к Бини. Впервые в жизни Бини заметил, насколько усталым был её взгляд, сколь напряжённым — лицо; она выглядела крайне встревоженной.

— Понимаешь, зачем я тебя позвала? Я не могу рассказать об этом никому из сотрудников нашего факультета. Бини, что мне делать? Если это станет достоянием общественности, Мондир со своей безумной шайкой тут же громогласно заявят, будто я отыскала железобетонные археологические доказательства в пользу их помешанных теорий!

— Ты и впрямь так считаешь?

— А разве есть варианты? — Сифна легко постучала пальцем по чертежу. — Вот вам доказательство того, что на протяжении тысячелетий, ровно каждые две тысячи лет, здесь вспыхивал пожар. А эти глиняные таблички? По сути своей они представляют не что иное, как доисторическую версию «Книги Откровений». Сложи всё это воедино, и если это не послужит неоспоримым доказательством воплей культистов Культа Пламени, то по меньшей мере обеспечит их мифы прочным и логичным теоретическим фундаментом.

— Но то, что пожары раз за разом вспыхивают на одном и том же клочке земли, еще не доказывает глобальность катастрофы в масштабах всего мира, — возразил Бини.

— Меня пугает именно их периодичность, — покачала головой Сифна. — Уж слишком точно она совпадает с тем, о чём верещит Мондир. Я как раз перечитываю «Книгу Откровений». Для последователей Культа Пламени полуостров Сагикан — святая земля.

<http://bllate.org/book/21124/2143634>